

Документалист

Он писал много: в его литературно-историческом наследии - шестнадцать книг, в журналистском - более ста статей. О нем тоже много писали, потому что его биография была насыщена событиями, а сам он был личностью интересной, неординарной

Автор: Ирина Манойленко

Биробиджанер Штерн - 39(14406)01.10.2014

Мы были знакомы с Ефимом Иосифовичем Кудишем три десятка лет, и мне казалось, что я знаю о нем все или почти все. А потом появлялись новые факты, новые штрихи в его биографии и творчестве, новые книги. И оказывалось, что я далеко не все знаю о Ефиме Кудише.

Двадцать лет назад очерк о нем под названием "Подвижник" написал Абрам Ильич Мордухович, работавший тогда в газете "Биробиджанер штерн". И автор, и герой очерка были фронтовиками, оба сражались под Сталинградом, оба получили медали "За отвагу", подбив немецкие танки. Оба потом освобождали Украину, Польшу и закончили войну в Чехословакии. И это общее в их биографиях помогло автору написать очерк без пафосных прикрас, показать войну такой, какой она была.

А мы с ним о его участии в войне говорили редко. Работая последние годы жизни в областном Совете ветеранов, Ефим Иосифович много ездил по области, встречался, общался с фронтовиками, узнавал об их нуждах, проблемах. И много рассказывал, писал об этих людях.

Он жил больше не прошлым, а настоящим и отчасти будущим. "Вот собираю материал для новой книги"... "Хочу, чтобы в городе появился литературный музей"... "Мечтаю в Харьков съездить, приглашают меня "красные следопыты" - я же этот город освобождал в 43-м, они это раскопали и мне написали"...

Как вихрь, врывается в редакционный кабинет и торопится поделиться всем, что узнал.

"Спешу, надо еще кое-что успеть сделать" - это была, по-моему, самая повторяемая им фраза.

И все ж о войне он однажды рассказал. Его семья жила в 41-м в приграничном городке Новограде-Волынском, что на Западной Украине. И война пришла сюда не 22 июня, а за три дня до ее официального объявления. 19 июня на городок упали немецкие снаряды и один из них убил бабушку, буквально разорвал в клочья. А 20 июня после нового артобстрела начисто будет снесена с лица земли музыкальная школа, где работал директором дедушка Ефима - Пинхус Григорьевич Кудиш. Дед хотел видеть его музыкантом, но внук любил и умел хорошо рисовать. И в тот 41-й год Ефим поступил в Киевское художественное училище имени Тараса Шевченко. Но учиться ему так и не пришлось - война внесла в его планы свои поправки.

Отца и старшего брата призвали на фронт. С матерью осталось четверо детей. Им повезло попасть на поезд, который увозил людей подальше от войны, в тыл. Они решили поехать на Дальний Восток, где в поселке Смидович жили родственники. Оттуда и призвали Ефима на войну в октябре 1942 года. Аккурат в его день рождения - свое 18-летие он так и не отметил.

Через полтора месяца уже был на фронте, вскоре стал командиром отделения в огнеметно-танковой бригаде.

- Вы не видели, как стреляют огнеметы? И не дай Бог увидеть этот ад на земле. Мне он долго потом снился, - рассказывал Ефим Иосифович.

В другие подробности сталинградского ада не посвящал - щадил. И о Курской дуге, освобождении Украины, Польши говорил скупо: "Да, были тяжелые бои. Но это же война!"

Зато с улыбкой вспоминал маленькую передышку в своем фронтовом марафоне, когда его отправили учиться в школу военных корреспондентов.

- Сам Михаил Шолохов вел у нас занятия, даже не верилось, что это знаменитый писатель, автор "Тихого Дона" - настолько он казался простым, своим.

Так с военной школы начался для Ефима Кудиша путь в журналистику, хотя было потом не одно препятствие на этом пути.

Это в последние годы участники войны стали иметь право на жилье и другие льготы. Вернувшийся с войны Ефим Кудиш жил, как и многие в те годы, в жуткой нужде, но зато - с надеждой и верой, что все образуется, стоит только родной и любимой стране залечить свои раны и встать на ноги. Когда в 1947 году женился на молодой связистке Мане Куршельсон, жить первое время пришлось у родителей жены, приехавших в Смидович в начале 30-х годов. Через год ему дали на работе жилье - домишко-полуземлянку, где через потолок можно было пересчитать на небе звезды. Подлатал крышу, отремонтировал, утеплил стены, чтоб тепло было их первенцам-двойняшкам Пете и Любочке. Позже дали их семье квартиру поприличней и чуть попросторней. Там родился сын Саша, за ним - Миша, пятой стала дочь Римма.

- Вот так и догнал я отца с матерью по числу детей, - шутил на этот счет Ефим Иосифович.

Жили в тесноте, но не в обиде. А когда у Марии тяжело заболели родители, молодые взяли их к себе, ухаживали за ними до последних дней.

- Родных в беде не бросают - эту истину мои дети усвоили с детства. Случись что с нами - они поступят точно так же, - уверял Ефим Иосифович.

В Смидовиче он создал первый не только в области, но и во всем Хабаровском крае народный музей, стал его добровольным хранителем. Вместе с женой протапливали и убрали две музейных комнатки - без всякого вознаграждения.

О музее и написал он одну из своих первых заметок на идише. Послал ее в "Биробиджанер штерн". Потом стал писать в газету постоянно, пока в 1973 году не пригласили его в штат редакции.

- У меня первое время дыхание перехватывало, когда я общался вот так запросто, как со своими коллегами, с известными писателями - Борисом Миллером, Исааком Бронфманом, Наумом Фридманом. С Фридманом мне пришлось работать в секретариате. В нашу обязанность входила вычитка телетайпных лент. Потом мы должны были перевести официальные тексты с русского на идиш. Нужно было к шести утра приходиться в редакцию, чтобы в девять часов у редактора на столе лежали готовые к набору материалы.

Еще в Смидовиче он стал вести дневник, куда вносил записи о произошедших в области событиях. Выбирал самое интересное из газет, радиопередач, из увиденного и услышанного. А поздно вечером, когда все в доме стихало, садился за стол и вносил в дневник очередные записи.

Он очень дорожил своим домашним архивом, где хранились и эти дневники, и книги с автографами писателей и поэтов. Когда в конце 40-х началось уничтожение книг на идише, ему удалось спрятать, сохранить часть из них.

Поделился как-то, что начал писать свою родословную.

- Дошел уже до пушкинских времен. И много интересного откопал. Оказывается, в нашем роду были и писатели, и артисты, и художники, и даже композитор. Вот откуда у меня появилась страсть к рисованию. А брат старший музыку сочинял, младший журналистикой увлекся.

Сам же Ефим Иосифович стал, можно сказать, писателем-документалистом. Или краеведом, как чаще всего его называют. Перечислю названия некоторых его книг: "Ради

жизни на земле", "Литературное наследие ЕАО", "Театральный Биробиджан", "Штерн" - звезда моя заветная", "Они писали на идиш", "Солдаты в белых халатах"... К медикам отношение у него было особое - в войну военврачи буквально вырвали его из лап смерти. И он написал книгу о врачах и медсестрах, а в медицинском училище и областной больнице организовал посвященные им музеи.

В книге "Они писали на идиш" были собраны уникальные материалы о живших в области в довоенные и послевоенные годы писателях и поэтах. А в "Штерн" - звезда моя заветная" героями очерков стали журналисты, делавшие газету в разные годы ее истории. В архивах и областном краеведческом музее, в свидетельствах очевидцев находил он ценные зерна для своих книг, чтобы получить потом добрые всходы.

Он был очень жадным до нового.

- Отец нам так и говорил: "Мой день прошел зря, если я ничего нового не узнал", - вспоминал сын Ефима Иосифовича Михаил.

Своими детьми Ефим Иосифович очень гордился. Часто приходилось задумываться, почему у любящих родителей нередко вырастают черствые, равнодушные дочери и сыновья? Видно, мало одной любви, чтобы дети выросли без плесени в душе - есть и другие незримые ниточки, связывающие старшие и младшие поколения. В семье Кудиш эти ниточки не порвались, даже когда дети создавали собственные семьи, уезжали в другую страну, обзаводились собственными детьми и внуками.

- Мы доверяли детям, уважали их выбор, не вмешивались лишней раз в их личную жизнь, - делился Ефим Иосифович секретами воспитания. - И ведь ни разу не пришлось краснеть за их поступки. Не было проблем и с внуками. Правнуки тоже у меня замечательные. Правда, один недостаток в нашей семье имеется - когда все за столом собираемся, то даже бутылки спиртного осилить не можем.

Больше десяти лет прошло с того разговора, но я уверена, что воспитательные уроки отца, дедушки и прадедушки не забыты.

О таких, как Ефим Кудиш, в советские времена говорили: он - человек с активной жизненной позицией. Четыре раза избирался депутатом райсовета, много лет был председателем профкома. Люди знали - Кудиш не только выслушает, но и обязательно делом поможет. Так же работал он и в Совете ветеранов, принимая близко к сердцу все проблемы бывших фронтовиков и тружеников тыла. И ехал в районы, торопясь успеть, не опоздать, когда самому было уже далеко за семьдесят. Казалось, он не знает усталости, его энергии можно было позавидовать. Врачи советовали ему обследоваться - возраст все-таки, - а он все оттягивал свой отъезд в Хабаровский военный госпиталь до последнего.

- Мне бы успеть книгу к юбилею медучилища выпустить - черновой вариант я уже сделал. И еще есть задумки, но о них потом скажу, - делился Ефим Иосифович планами накануне отъезда в Хабаровск - уговорили его все же родные послушаться докторов.

Вернулся оттуда притихший, удрученный. Таким мы его еще не видели. Сокрушенно вздохнул: "Врачей послушать - так ни одного здорового органа у меня нет. Лучше б не знал ничего..."

Он ушел из жизни незадолго до Дня Победы, в теплый апрельский день 2006 года. Только на похоронах увидела я все его восемнадцать наград - обычно Ефим Иосифович носил орденские колодки. Так и не дописал он свою последнюю книгу.

Как-то я спросила, что означает его редкая фамилия?

- С иврита и идиша переводится как "святой", - ответил Ефим Иосифович. - Так что обязывает нас фамилия.

Сегодня он мог бы отметить свой 90-летний юбилей, собрать за столом свою большую семью и друзей, выслушать пожелания и получить подарки. И мы бы писали о нем не в прошедшем, а в настоящем времени, которое он так любил. Он и сам был таким - настоящим.